

УДК 821.111

Д.Е. ТИЯН

(diana.tiyan@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОБРАЗ МЕДЕИ В РОМАНАХ К. ВОЛЬФ И Л. УЛИЦКОЙ*

Рассматривается проблема осмысления феномена материнства в романах Л. Улицкой «Медея и ее дети» и К. Вольф «Медея. Голоса». Образ Медеи анализируется как архетип Матери, воплощение женского / материнского начал через сложное взаимодействие с другими персонажами в образной системе романов.

Ключевые слова: миф, интерпретация, демифологизация, архетип, Мать.

В конце XX в. в связи с кардинальными изменениями в культурной и социальной жизни актуальным становится вопрос о сути и роли материнства. В 1996 г. к нему одновременно обращаются Криста Вольф и Людмила Улицкая, поставив перед собой задачу художественного исследования феномена материнства в эпоху расцвета феминизма на Западе. Обращаясь к архетипическому образу матери, обе писательницы решают эту задачу на материале образа Медеи, чье культурно-историческое значение было заложено благодаря древнегреческим трагедиям Еврипида и Сенеки.

Изначально общечеловеческий символический смысл материнства был связан с порождением и питанием потомства. Мать являлась полнейшим воплощением женского порождающего, творческого начала, включающем такие аспекты, как Великая мать, Добрая мать, Грозная мать и др. Архетип матери находит воплощение в образе богини-матери главным женском божестве большинства мифологий. Но в современную эпоху происходит расширение смыслового поля этого образа. Мать – та, которая воспитывает и направляет своей мудростью, принимает к себе и исцеляет. При этом феминистские устремления современной женщины могут исказить самую основу понимания материнства, допуская отсутствие рожденных самой матерью детей.

К. Вольф и Л. Улицкая обращаются к образу Медеи как одному из воплощений архетипа матери. Известно, что Медея в древнегреческой мифологии – волшебница, дочь Колхидского царя Эета и океаниды Идии, внучка Гелиоса. На сегодняшний день существует две версии концовки мифа об аргонавтах. Более ранняя версия гласит, что детей Медеи убили коринфяне. Более позднюю версию мы знаем из трагедий Еврипида и Сенеки, где Медея убивает своих детей сама. К. Вольф решает интерпретировать изначальную версию и берет древний миф за основу сюжетов своих романов. Немецкая писательница обращается к мифологическим образам, которые изначально противоречивы. Ее роман «Медея. Голоса» написан в форме чередующихся монологов героев. Шесть «голосов», сменяя друг друга, разноаспектно выявляют суть происходящих событий. В романе Людмилы Улицкой дается реинтерпретация древнегреческого мифа о Медее. Действие происходит в современном мире, периодически возвращаясь в прошлое, где мы узнаем историю Медеи Синопли, которая собирает в своем доме несколько поколений и ветвей своей семьи – «разноплеменное множество – из Литвы, из Грузии, из Сибири и Средней Азии» [7, с.42]. Истории этих людей и составят фрагментарно представленный сюжет романа, имеющий реальную основу.

Вольф и Улицкая обращаются к образу Медеи, чтобы раскрыть то вечное и неизменное в материнском начале, что свойственно женской природе в любую эпоху, вне зависимости от социального статуса личности. Но в то же время обе писательницы стремятся определить место женщины-матери в современном мире, где жизнь течет по «мужским» законам. Героини в обоих романах наделены важной для женщины способностью создавать вокруг себя микрокосмос. Они собирают, привлекают, контро-

* Работа выполнена под руководством Сысоевой Ю.Н., кандидата филологических наук, доцента кафедры литературы и методики ее преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

лируют и направляют младшее поколение. Образ Медеи-матери олицетворяет природное начало: обе героини являются хранительницами целительного знания, которое неподвластно окружающим.

Криста Вольф в своем интервью с журналистами в Бонне 23 февраля 1997 г. говорила: «Медея» – история женщины в мужском мире: то, что делает из нее мир мужчин. Для самой писательницы – это «попытка извлечь чью-то фигуру из ее времени, понять ее, вылущить, бросив при этом и вполне критический взгляд на ступени, которые она уже прошла в творении великих поэтов» [4, с. 183].

Героиня К. Вольф – мать, но на ней нет греха детоубийства. Сыновей Медеи забивают камнями коринфяне. Медею приговорили к изгнанию из Коринфа без детей: *Дети Ясона получают подобающее им воспитание. Во дворце* [5, с. 337]. Но только двое – Агамеда и Глаука, те, для кого Медея сама стала матерью, встали на ее защиту: *Матери нужно оставить ее детей, <...> не следует проявлять жестокость без нужды* [Там же, с. 337]. Жители города, который зиждется на злодействе, *позаботились о том, чтобы и последующие поколения звали Медею детоубийцей* [Там же, с. 349]. Микрокосмос, который Медея хочет создать, разрушается в мужском мире. Ясон, который, казалось бы, делал благое дело, незаметно для себя становился все дальше от мира Медеи: *Ради вас, – говорил он мне. – Ради тебя и детей. Чтобы тебя здесь оставили. Так уже и говорил – «ради вас», себя к нам не причислял* [Там же, с. 257].

К Ясону Медея испытывает любовь, близкую к материнскому чувству. Это мы понимаем через «голос» Глауки, которая видит искреннюю любовь Медеи и Ойстра: *Ойстр и та женщина, чьего имени я не называю, редко касались друг друга, взгляды их почти не разлучались. <...> Ясон свободен!* [Там же, с. 291]. В Медее Ясон нуждается как в матери: именно она успокаивает и видит его слезы.

Агамеда, бывшая ученица Медеи, дочь ее подруги, несмотря на то, что хотела уничтожить Медею, нуждалась в благодарности и любви волшебницы. После того, как болезнь забрала мать Агамеды, роль матери для девушки взяла на себя Медея. Во время учения Агамеды Медея держалась с ней строже, чем с остальными, даже на отдалении, *дабы никто не мог сказать, будто дочь ее подруги у нее на особом положении* [Там же, с. 240]. В тот же миг ученица ее возненавидела. Но Агамеда не заметила ту скрытую любовь Медеи: с детства целительница учила Агамеду *распознавать в себе красоту: красивый разрез глаз, густые волосы, груди* [Там же, с. 232]. Волшебница принимала участие в воспитании Агамеды и останавливала ее порывы «иметь все сразу»: *Ты будешь хорошей целительницей, Агамеда, если научишься знать свое место* [Там же, с. 227]. И даже спустя долгое время, уже в Коринфе Медея хочет помочь девушке, пытается вызвать ее на откровенность и понять, отчего она *такая несчастная*. Но для ученицы было *слишком поздно*. И хотя иногда в сознании Агамеды проскальзывают мысли, что она снова хочет быть *первой в кругу избранных Медеи и «дышать одним воздухом»* с ней, девушка испытывает стыд и сразу отрекается от них. Любовь и благодарность Агамеды сменились ненавистью: *Да. Хочу. Именно уничтожить. И день, когда это произойдет, будет счастливейшим днем моей жизни* [Там же, с. 229].

Судьба целительницы и Глауки похожи тем, что их родных брата и сестру убили ради спасения Коринфа и Колхиды: *А вы, эта малютка Ифиноя и ты, Ансирт, стали жертвами* [Там же, с. 258]. Медея хотела открыть девушке правду, чтобы она не мучилась. Волшебница подарила ей надежду о выздоровлении от эпилептических припадков, смогла избавить ее от комплексов, была с ней в сложные минуты, стала ей матерью, которой так не хватало: Медея «хотела избавить ее от страха перед отцом», нашла настоящую подругу Аринну, была с Глаукой терпелива. Девушка признается, что «никому еще не клала голову на колени», «никому не рассказывала» о ненависти к Коринфу. Благодаря Медее у Глауки произошло *второе рождение: она стала делать мне те же примочки, что и мама, пела мне мамини песенки* [Там же, с. 287]. Но Глаука, некогда «питавшая к Медее нервическое обожание», впоследствии не называет ее имени, а рассказывает о ней как об *этой женщине* (здесь и далее жирный курсив наш. – Д.Т.). Девушка пытается полностью искоренить воспоминания о Медее, потому что волшебница оставила ее, как когда-то – родная мать: *Это были дни, исполненные надежды, пока она меня не бросила,*

не оставила в беде, как покинула когда-то мама, никогда, никогда не надо было со мной так поступать. Ненавижу ее [5, с.287].

Так, те, кого любит Медея, – ученицы, приемная дочь и мужчины – большие дети, страшные и несносные [Там же, с.254] – разрушают микрокосмос Медеи, оказывая губительное действие на ее женское/материнское начало.

Героиня Улицкой Медея Мендес – последняя чистопородная гречанка в семье, поселившаяся в незапамятные времена на родственных Элладе таврических берегах [7, с. 5]. Но в отличие от традиционного образа колхидской волшебницы Медея Мендес не имеет собственных детей. Так писательница изначально лишает сюжет возможного детоубийства. В одном из интервью Улицкая говорит о романе: «Это вывернутый наизнанку миф о неистой колхидской царевне Медее» [8]. Улицкая демифологизирует историю волшебницы, делая Медею хранительницей домашнего очага: *Медея собирала в своем доме в Крыму многочисленных племянников и внучатых племянников и вела над ними свое тихое ненаучное наблюдение. Считалось, что она всех их очень любит. Какова бывает любовь к детям у бездетных женщин, трудно сказать, но она испытывала к ним живой интерес, который к старости даже усиливался* [7, с. 9].

Размышляя о природе материнства, Улицкая дает весьма оригинальную интерпретацию мифа. В 16 лет Медея Мендес уже испытала «материнство»: после смерти родителей с ней остались два брата, Дмитрий и Константин, и сестра Александра. Устраивая судьбу своей сестры, Медея не думала о собственной. Помогая Сандре во всем, даже с ее первым ребенком она со всей полнотой пережила свое несостоявшееся материнство [Там же, с. 84]. Когда все дети выросли, Медея вышла замуж за Самуила. «Нервно-слабый» врач-дантист нуждался в поддержке Медеи: *Когда <...> я вас взял за руку, я почувствовал, что рядом с вами нет страха* [Там же, с.56]. Далее Улицкая отметит особенное качество этого брака: *Женившись на Медее, он прикрылся от вечного страха ее мужеством...* [Там же, с.156]. Они прожили вместе от первого до последнего дня. Всю заботу, всю себя Медея отдавала больному мужу в его последние дни: *Медея промывала столу кипяченым подсолнечным маслом, и опять все налаживалось. Это была все-таки жизнь, и Медея готова была нести этот груз бесконечно...* [Там же, с. 154]. Но и в этом романе микрокосмос Медеи подвергается разрушению после того, как она узнает, что Самуил изменил ей с ее родной сестрой.

Бездетно-многодетная Медея была матерью всем детям: *Десятки маленьких детей прошли через руки Медеи<...> ее рукам было знакомо изменчивое ощущение веса детского тела, от восьмифунтового новорожденного<...> до упитанного годовичка* [Там же, с. 196]. Дом Медеи притягивал окружающих: племянники любили побыть с ней вдвоем, Нора, квартирантка соседки, завидовала людям, которые так радуются друг другу и так празднуют свою встречу, летом родители привозили будущего школьника в Крым, как будто Медее для отчета. Поэтому Медея, для которой важна преемственность поколений, которой все приемные дети были родными, недоумевала, почему в беседе, впервые состоявшейся за долгое время, ее приятельница Таша словом не обмолвилась ни о своей дочке, ни о своей внучке.

Сохраняя целостность многонациональной семьи, Медея помогала и окружающим. По профессии медсестра, она всю войну больничку продержала одна, помогала больным и всем, кто нуждался в помощи. Она укрывала беглого татарина Равиля Юсупова от местных властей. Видела она его всего сутки, а все-таки потом исполнила его тайную просьбу – купить ему дом в Крыму. После смерти Медеи, по ее завещанию дом отходил никому не известному Равилю Юсупову [Там же, с.251].

Улицкая создает образ Медеи на основе истории семьи, из которой родом муж самой писательницы. Авторские симпатии героине романа, Медее XX в., выражены через многочисленные отсылки к древним мифам, что позволяет обнаружить в этом образе нечто непреходящее, позволяющее выживать человеку в любых жизненных обстоятельствах. Не случайно самую важную характеристику героине даст ее самый близкий человек – Самуил: *И единственным человеком, как он теперь догадывался, действительно живущим по какому-то своему закону, была его жена Медея. То тихое упрямство,*

с которым она растила детей, трудилась, молилась, соблюдала свои посты, оказалось не особенностью ее характера, а добровольно взятым на себя обязательством, **исполнением давно отмененного всеми и повсюду закона** [7, с. 160]. Таким образом, в романе Улицкой выявляется то смысловое ядро архетипического образа матери, для которой все, что она может делать для своих/чужих детей, является исполнением древнего природного закона.

К такому же выводу приходит в своем романе и Криста Вольф, направляя главную героиню в женскую общину, где оказываются женщины, ставшие жертвами «мужского» мира. Безусловно, обе авторские интерпретации отличаются от той, которая известна по трагедии Еврипида. Героини не мстительны, разумны, милосердны. И, несмотря на то, что в романах действие происходит в разное время и в разных местах: античность и Советский союз – героини схожи в своей любви к детям, даже не обязательно родным. Так, на рубеже XX и XXI вв. произведения Вольф и Улицкой о Медее становятся наиболее яркими образцами художественного исследования женского/материнского начала на общечеловеческом уровне.

Литература

1. Анненский И.Ф. Трагическая Медея // Театр Еврипида. Т. 1, Л. 1966. С. 205–264.
2. Багадирова С.К., Юрина А.А. Материалы к курсу психология личности. В 2 ч. Изд-во: «Майкоп», 2011.
3. Валюлис Л.А. Л. Улицкая «Медея и ее дети»: диалог с античностью // Русистика и компаративистика. Сборник научных статей, выпуск VI. Вильнюс-Москва, 2011. С. 26–35.
4. Вольф К. Миф и образ // Вопросы литературы. 1999. №4, С. 181–183.
5. Вольф К. Кассандра. Медея : романы; пер. с нем. М.Л. Рудницкого. М. : АСТ, 2014.
6. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х тт. / т. 1. Москва: Советская энциклопедия, 1991.
7. Улицкая Л. Медея и ее дети: Роман. М.: Эксмо, 2002.
8. Улицкая Л. Принимаю всё, что даётся. Беседу вела А. Гостева // Вопросы литературы. 2000. №1, С. 215–237.

TIYAN D.E.

Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE IMAGE OF MEDEA IN THE NOVELS BY CH. WOLF AND L. ULITSKAYA

In this article the problem of understanding of the Motherhood phenomenon in L. Ulitskaya's novel "Medea and her children" and Ch. Wolf's novel "Medea" is analyzed. The interpretation in such an aspect as the personification of the Mother archetype allows to observe its complicated interplay in the systems of the novel images.

Key words: myth, the interpretation, demythologization, archetype, the Mother.